

Стирающая записи прошлого

“Счастье” в залах ЦДХ

Миф – такое привычное слово в художественном языке, который продолжает оставаться современным, что легкость соединения с ним слова “творчество” сродни плановым космическим стыковкам. Счастье, не соединимое с такой же легкостью с чем-нибудь смыслодобавляющим, но нашедшее приют в одном из небольших залов ЦДХ, выражается состоянием удачного “контакта”. Мифотворчество художников К.Сутягина и А.Шевченко настроено на волну “осчастливливания”, и еще вопрос, какая из стыкующихся половинок крылатого слова действительной.

Выставка, носящая название “Счастье”, демонстрирует явно антипретенциозный характер и уже этим сразу как-то умиротворяет. Но в этом как раз и состоит замысел художников, которые выводят его из тени и выставляют на обозрение вместе с примитивистскими пейзажами и натюрмортами. Замысел

“накидывает” на себя “золотую рамку” и сам превращается в произведение искусства. Поэтому нельзя слишком серьезно рассматривать отдельные работы, не ощущая при этом общей атмосферы.

“Прочти инструкцию и осчастливься”, – предлагают художники. Несчастливые зрители читают надписи, пытаясь добраться до содержания. Счастливые зрители скользят взглядами по холстам, понимая, что как раз все, что сверх них, и есть миф. Контуры всех изображенных на картинах фигур размыты. Они расплываются, как кусок сахара в теплой воде. Сами картины, окажись они погруженными в концептуальную немоту (если убрать все надписи и собственно саму “золотую рамку”), смогут отстаивать только интересы творчества, которое у Сутягина и у Шевченко опирается на уникальность непосредственных переживаний, встречающихся, как правило, у детей. Но в

отличие от последних художники явно занимаются самоограничением, “выдавливая” серьезные эмоции, тяжеловесные образы, смысловые схемы для получения непосредственных ощущений. Кисть же ребенка следует за его эмоциями и чаще подчиняется хаосу не прочувственного еще мира.

Наиболее сильным художественным средством Сутягина, безусловно, является цвет. Создающий настроение, последний выполняет роль настройщика, однако в качестве исполнителя произведения предлагается выступить зрителю. Нужно только, осторожно ступая, не придавить случайно сутягиновский “тростник” тяжестью знания о цветозвучащих образах, сохраненных многоопытной классикой, и попытаться настроиться на бесхитростную новизну.

Лазурные краски художников заимствуют природные цвета. Безбрежность морских далей подыгрывает более чем романтическому настроению, аккумуляруемому на выставке. Художники помогают “осчастливиться”, но не “опростодушиться”, подготавливая “души не простые” ко второй художественной акции под названием “реальность”.

“Всегда есть время в жизни, когда нужно решиться стереть все записи прошлого опыта и, построив все сначала, узнать истину”, – сказал Декарт. Шевченко и Сутягин тем и занимаются, придавая изобразительному искусству ощутимость открытий.

“Сколько хватает сил, художник плывет далеко в море, а потом – обратно. Жена ругается: “Не плавай, – говорит, – так далеко”. А дочь добавляет: “Потому что там кораблики”. Сутягин и Шевченко, этими словами описывая счастье, слушают своих жен. Но в этом ли счастье?”

Александр
ВАЙНШТЕЙН

А.Шевченко. “Один известный художник”

Кудьбыра. - 1999. - 20 - 26 мая. - с. 8